

8 октября 1993 года Алевс Адамович опубликовал в нашей газете свою последнюю статью "Власть не должна валяться под ногами", где он, размышляя о причинах привлекательности государственной власти для российских авантюристов, призвал общество разработать новое юридическое положение об ответственности за развязывание гражданской войны.

"Такой статьи нет в наших законах?"

И у нюрнбергских судей той статьи не было: "За подготовку и развязывание агрессивной войны", — а вот в результате Нюрнберга защищающая человечество статья появилась.

А не мог бы и наш суд над мятежниками сделать такой же подарок человечеству — дать пример, прецедент кары за подготовку и провоцирование гражданской войны? Или духа не хватает, решительности?

Он писал о карателях, сожженных деревнях, о блокаде. Забыли? Ну-с, и получите в комплекте — первое, второе, третье.

Адамович, высказываясь в глаза, не амортизировал высказанное улыбкой. Он, именно он, предрекал М. С. Горбачеву: генералы оботрут свои окровавленные руки о ваш пиджак. Теперь, когда Адамовича нет с нами, никто, хоть шаром покати, не сказал об этом Б. Н. Ельцину. А ежели и высказал нечто приблизительно схожее, то, полагаю, не так, как это делал Адамович, верный завету декабристов — говорить правду, не заикаясь.

Признаюсь с последней прямоотью: тень его чую смущенной душою. Ведь мне-то охота заткнуть уши, зажмуриться, тянуть от пенсии к пенсии, но Алевс стучится в душу, и она сама себя стыдится...

Юрий ДАВЫДОВ:

Помню, Алевс Адамович опубликовал письмо читательницы, пережившей глубокий душевный кризис. Она познакомилась с увлекательным, как роман, изложением истории ранних веков Англии. Читательница испытала презрение — вот тебе и "матер парламент"! Потом — гордость: а мы, славяне, палачами-кровопийцами не были! Однако вслед за тем корреспондентка Адамовича одолела "Повесть временных лет". "От этого ужаса, — пишет она, — я в самом буквальном смысле заболела; кровь, пропитавшая все строки этой книги, лилась мне на руки". И она поняла, что "нет такого народа, которому не надо было бы многое и многое забывать".

Письмо это Адамович включил в одну из своих книг. Капитальную мысль читательницы он разделял. Но умозаключение — забыть! забыть! — не принял.

У той драмы, которую переживает наш народ, страна, есть три светлые стороны:

1. А все-таки рухнула КПСС.
2. А все-таки рухнул КГБ.
3. Миру больше не грозит глобальная ядерная катастрофа, какая была бы неизбежна при бессрочном существовании КПСС, КГБ и созданного и поддерживаемого ими милитаристского механизма глобальной угрозы всему миру.

Сегодня мы присутствуем при попытке реанимации КПСС. Мы вынуждены опасаться угрозы возрождения КГБ (под другим наименованием). И тогда мир снова окажется на краю гибели. А муки народа окажутся напрасными.

Алевс Адамович, декабрь 1993 г.

Ни в коем случае демократы не должны пролить кровь тех, кто у Белого дома. Да, внутри засели узурпаторы, лжецы, лицемеры, готовы яичницу зажарить на огне гражданской войны, но те, кто снаружи, — обманутые или обманувшиеся. Не побывали тогда, там, им кажется — вернулся август.

Алевс Адамович, сентябрь 1993 г.

Мы стали смертными, прошли через это, уже не свою, а рода нашего смертность. И что? Какие теперь? Ведь каждый проходит через гибель своего малого рода (старших поколений) Vixit A тут — не то, тут всех и всегда, и все!

...А самое смешное, что мы пережили, как ушла партия-монстр, не сказав ни единого слова. Да, сейчас обрела голос, вопит и гро-

Сергей ФИЛАТОВ:

Познакомился я близко с Александром Михайловичем не так давно, о чем очень сожалею. Он уже тяжело болел, я знал об этом, но в общении он оставался легким, веселым человеком, искрометным спорщиком.

Особенно бросалось в глаза то, что он обращал внимание на те события, явления, которые, мне казалось, сегодня не имеют никакого значения. Наивный политик! — ухмылялся я. Но через некоторое время его политические акценты становились исключительно актуальными.

Это совершенно потрясавшая его особенность! Тебя сегодня волнует и интересует что-то одно, а он уже заглядывает далеко вперед и начинает говорить о проблемах, которые для тебя только завтра станут важными и первостепенными.

Алевс очень хорошо знал, что такое фашизм, что такое война, унижение человека, нарушение прав человека. Это есть и в его произведениях и выступлениях. Но, пожалуй, это единственный человек, который заглянул в будущее и понял, что нам грозит фашизм в каком-то новом виде. Он говорил об этом тогда, когда это было странно слышать. Это было настолько невероятным, что трудно было себе представить, что именно это окажется одним из самых серьезных моментов нашей сегодняшней жизни.

Я вообще удивляюсь, как он успевал написать так много новых книг и статей, как быстро он реагировал на происходящее. Сегодня произошло, сказано — завтра, послезавтра уже прочтешь в газете его пламенное слово.

Он первый открыл перед обществом лицо Хасбулатова. Вообще это была его боль в последние месяцы жизни.

И в то же время он писал о совсем другой жизни — о войне.

Больное сердце вмещало в себя совершенно невероятное количество всего. Совершенно не понимаю, откуда он брал время. Он так торопился, теперь ясно.

Новый, 1994 год мы встречали вместе. Алевс веселился, играл в бильярд, даже танцевал. И мы не знали и подумать не могли, что видим его в последний раз.

НАИВНЫЙ ПОЛИТИК

26 января — годовщина со дня смерти Алевса Адамовича

Через два дня или три. Подумалось: со смертью время не останавливается, а наоборот — пронесешься через миллиарды лет как через один миг. Тебя же не будет, когда солнце погаснет... Но ты БЫЛ, и солнце погаснет над ТВОЕЙ же звездой. Вся жизнь живая, и превращения материи в бесконечности — после того, как ты БЫЛ, — не могут отменить и через 1000000000 миллиардов лет того, что Ты БЫЛ.

Алевс Адамович, сентябрь 1993 г.

Вяч. Вс. ИВАНОВ:

Я думаю, что он из числа тех писателей, людей литературы и кино, которых соединили вместе жизнь и литература, поэтому меня больше всего заинтересовало то, что он умел превращать документ в литературу. В этом смысле очень интересна "Блокадная книга". Я думаю, что это одно из самых больших достижений именно как направления — тот вид литературы, который перестает быть просто сочинением, это что-то, что он правильно понял в нашем веке.

Алевс Адамовича занимали все общественные проблемы. Он горел ими, и это меня в нем подкупало. Он был одним из тех немногих людей, кто очень серьезно относился не только к внутренним проблемам России и Беларуси, всего тогдашнего Союза, но понимал, как это все переплетено с мировой возможной катастрофой.

Он находился как бы за пределами обычного интеллигентского облика, интеллигентского, а не интеллигентного. Я в нем не видел тех черт, которые иногда мне как-то не близки были в том литературном и научном, и кинематографическом кругу, с которым я хорошо был знаком с детства. Алевс Адамович был человеком действия, очень сосредоточенным на том, что ему казалось важным. В нем не было ухода в сторону.

Зит, но мы уже видели ее: когда она прошла все и всех, напишавшись кровью, как упырь, и как трусливо разбежалась по углам.

Наше при этом присутствие.

3 глава. Мы и партия. После смеха Солженицына. Услышал и захохотал: а он-то видел в этом скалу, ткнули — и рассыпалась.

Дальше: Спасибо, хунта!

Пора соорудить юридический заклон на пути любых новых авантюристов, готовых и могущих столкнуть страну, народ в кровавое месиво гражданской войны.

Не прислушались. Показалось политически вредным, ненужным? А может быть, сегодняшние события могли быть иными, и не было бы сотен погибших тонкошеих мальчишек, которых в очередной раз принесли в жертву ненасытному богу войны — партии войны?!

А потом вся моя память о ней, о партии власти. Когда было не до смеха. И уже после этого — ядерная глава... И вернуться в прежние годы, когда партия смешной если и казалась, то не очень многим.

Истинных революционеров-мстителей всегда заботила не только проблема завоевания власти, обретения власти, но и не менее важное и сложное: а что будет на второй день после захвата власти? Не растеряет ли революция свои принципы, идеалы, завоевания в борьбе за удержание власти? Не переродится ли в террористическую власть? Именно из эпохи исходили Махатма Ганди и его сторонники, когда свою партию вооружали методами ненасильственной войны, а не бомбками. Их удерживало опасение: а удастся ли остановиться "на второй день"? Не станет ли насилие перманентным, самоцелью — и после победы, завоевания власти?

Мысль для новой вещи. После войны лет 10 мне все снилось, что снова война и надо уходить в партизаны, а не хочется, потому что все шансы выжить израходованы еще тогда и не осталось их больше. Эти сны как бы шлаки и выводимые из души от всего, что в войну было и юношеским азартом, и озорством, рискованным по поводу и без. Вот сколько времени отходил песок, камни из сознания (они не только в желчном пузыре да почках).

...Руцкой — это война.

Хасбулатов? Замечательный лицедей. Если кому-то понадобился бы актер на роль Иудушки Головлева Щедрина — лучше не найти. Маня величия: отец народов. Зорькин. У нас был плачущий коммунист. Это — плачущий демократ. Ну а Ельцин — Никитичика Ломов. Помните такого русского героя? Ну а против лома нет приема. Все прежде названные, кажется, уже убедились в этом.

Ну а ты сам? Счастливейший человек, как и все, кому удалось пережить фюреров, своего, чужого, и уверен, третьему не бывать. Ни Риму третьему, сколько ни скулил бы "День", ни фюреру третьему, как бы ни кликал его Проханов с компанией.

Элем КЛИМОВ

Неуемный Адамович.

Добрая и благородная душа. Талантливый писатель, ученый, публицист, философ и воитель. Провидец.

Сколько раз предупреждал: если Вы поступите так, то будет вот что. Все равно я поступал. И каждый раз оказывался прав он. Ну ладно — я. Он общество предупреждал: борцы лихие, берегитесь! Не погибнуть бы нам под обломками прошедшего. Не послушали, не береглись. Теперь хлебем полной мерой.

В чем только не обвинялся. В пацифизме, абстрактном гуманизме, в антисоветизме, в промосковских настроениях, белорусском национализме. Всего не помню.

Да, люто ненавидел войну. Сам воевал. Видел, знал, что война, кроме того, что жизнь уносит, у оставшихся — у тех и этих — корезит душу. У многих — навсегда и непоправимо. Самое страшное на войне — это даже не то, что тебя убивают, а то, что тебя вынуждают убивать. От него услышал. Легко могу представить, что бы он сказал сегодня, когда опять кровяща хлещет, и мы опять в ней по колено.

Совсем недавно мир был на грани ядерного самоуничтожения. Единственный, кого я жви-ве знал, кто так бы чувственно, умом и кожей, вероятность исчезновения всего нам Богом данного и сущего предощущал, — был Адамович. Это он тогда призвал: если на нас вдруг нападут, если какой-то пьяный или сумасшедший генерал нажмет на кнопку, пусть мы погибнем, только не отвечайте им тем же, пусть хоть они останутся, а не испепелится все до конца. Одних этот невероятный призыв тогда ошеломил, других взгневил. Э, нет! Мы их тоже уничтожим, всех, до одного. Возмездие. Пусть лучше не останется на свете никого. Вот такие частушки пели ему в ответ.

А он внушал и внушал: все силы души посвятить одному — давить и давить на рычаг жизни!

Я один из тех, кто внял. Так, по сути, зародился и произошел фильм "Иди и смотри", прародителем которого был Алевс Адамович.

Судя по всему, я ему нравился. Он хотел со мной и заться, и работать, и дружить. А я над ним постоянно измывался. Подшучивал, копировал, пародировал. И его белорусский выговор, и его походку — он чуть косолапил. Приставал к нему: сознайтесь, не была в вашей белорусской пошехони до войны известна культура помидоров. Только бульба. А помидорам мы вас научили.

Никогда не обижался, хотя бывали шуточные покуроч.

"Да, были, были помидоры, были. Только помельче ваших. У брата старшего все покрупнее — и помидоры, и мозги, и яйца. А вот что будет: наших пошехонцев полюбите. Когда узнаете."

И снова не ошибся. Так и случилось. Белоруссия — теперь моя вторая родина.

Не так уж часто случалось в жизни мне, глядя на кого-то, все больше узнавая его, думать: "Как я хотел бы быть таким. Самим собой и вот таким".

20.9.93

Главное, что мы потеряли, — это чувство самосохранения. Хотя казалось, все в нашей недавней истории было направлено на сохранение, укрепление, бетонирование "завоеваний". На самом деле мы это чувство утратили. Потому что потеряли чувство развития и способности к развитию, совершенствованию. Был утерян механизм, "ген" саморазвития. А если разложен этот механизм, общество ждет деградация, с чем мы и столкнулись...

Материал подготовила Анна КОВАЛЕВА.

